

ИНТЕРВЬЮ С НЕУДАЧНИКОМ

Так бывает, что наступает роковой день, когда вся жизнь, такая, казалось бы, привычная и устойчивая, рушится в одночасье. Но так бывает не со всеми. Мы думаем, что те единицы, кого выбирает жизнь для своих жестких опытов, полные неудачники, а на самом деле, это те, кому дается еще один шанс. Шанс стать другим. Будет тяжело, очень тяжело. Но, если получится продержаться и выйти победителем, то, как в компьютерной игре, появится дополнительная сила и всякие возможности, а проиграл — ты никто. Вот такой шанс получил Лаврик (или по-другому Лаврентий) — ученик 10 «А» класса одной из школ прекрасного города Ярославля. Но роковой день для Лаврика наступит только завтра, а сегодня — его обычное утро.

— Мои мозг и язык соревнуются каждый день. Язык побеждает чаще. Но посмотрим, как сегодня соревнуются они! И кто же победит из этих двух целеустремленных девчушек? Кто сможет пройти сквозь полосу препятствий с учебником алгебры на голове и не уронить ни его, ни себя в глазах собравшихся зрителей, своих болельщиков.

Весь класс обступил двух девчонок, подбадривая их выкриками и приготовив свои телефоны для съемки. Лаврик продолжал комментировать происходящее.

— Кто же?! Хрупкая Маша или бойкая Тоня?! Но вот мы видим, как Тоня ловко обходит препятствия, учебник словно приклеился к ее круглой голове. И... она побеждает! А мы направляемся к Маше. Маша, что пошло не так?

Маша, тоненькая, милая девочка с огромными наивными глазами смотрела на телефон, в котором отражались двое: она и самый лучший мальчик в мире, Лаврик. Машу вывел из оцепенения следующий настойчивый вопрос:

— Маша, что пошло не так? Откуда такая неуверенность в себе?

— Просто волновалась...

— Машенька, ты себя видела?! Ты не волноваться должна, а волновать! Могу поспорить с тобой на что угодно, что тебя ждет фееричное будущее. Глядя на твою красоту, люди будут оборачиваться на улице, мальчишки

падать штабелями, а машины тормозить, лишь твоя грациозная ножка ступит на дорогу.

— Я не уверена в этом.

— Маша! Ты теряешь лучшие моменты своей жизни из-за своей неуверенности!

Лаврик понимал, что пора заканчивать, иначе такими ответами Маша завалит все его утреннее шоу и, заглядывая Маше в глаза, произнес, сияя своей очаровательной улыбкой:

— Машенька, желаю тебе удачи. Уверен, удача ходит с тобой где-то по соседству.

Лаврик отвернулся от Маши и произнес в телефон:

— А на сегодня все. С вами был Лаврик и мое ежедневное утреннее шоу «Интервью с неудачником». Смотрите нас завтра. Вас ждут соревнования на поедание французского батона. До завтра!

Только один человек из класса никогда не присутствовал на этих утренних соревнованиях, и это был Андрей Вершинин. Молчаливый одиночка, независимый Андрей приходил, когда уже звенел звонок, и все рассаживались за парты. Вот и сейчас Лаврик, убирая телефон в рюкзак, наблюдал, как Вершинин шел в класс, но тут его окрикнул тоненький голосок Пети Ерохина из второго класса:

— Лаврик, привет! Ты нам мяч обещал.

— Обещал, сделаю.

— Но мы сегодня играем. Нам мяч сегодня нужен.

— И что?! Я обещал мяч, а не «мяч сегодня».

— А что нам делать?

— А какое отношение я к вашим делам имею? Возьмите мяч у физкультурника.

Лаврику надоел и этот разговор, и этот навязчивый Петя. Он повернулся, собираясь уходить, но услышал жалобный голос:

— Мы просили, он без взрослых не дает.

— Петя, послушай меня, я что — единственный взрослый во всей школе? Иди к своей учительнице, с ней договаривайся. Понял?!

— Да, но ты же обещал?!

— Я все сказал. Иди, давай, Петя.

Лаврик был раздражен. Шоу, по его мнению, казалось скучным, из-за этой мямли Маши. И этот шкет еще пристал со своим мячом. Но на большой перемене Лавр видел, как тихоня Андрей передавал Пете и его счастливым одноклассникам мяч. Что-то неприятное зашевелилось внутри, но Лаврик не успел понять, откуда взялось это ощущение, как увидел идущую к нему Юлию Юрьевну, руководителя школьной телестудии.

— Лаврентий, ты, пожалуйста, не забудь, что завтра во дворце пионеров встреча с Валентиной Владимировной. Ты представляешь нашу школу и задаешь вопрос.

— Как скажете, Юлия Юрьевна.

— Как скажете?! Ты хотя бы чуть-чуть осознаешь уровень этого человека?

— Валентина Терешкова, первая женщина-космонавт, — отрапортовал Лаврик.

— Все?!

— А... вот еще. Единственная в мире женщина, совершившая полет в одиночку.

Юлия Юрьевна с легким разочарованием посмотрела на Лаврика.

— Скажи мне, пожалуйста, как такой неглубокий человек, как ты, который только много говорить умеет, собирается завтра брать интервью у Валентины Владимировны?

— Юлия Юрьевна, завтра ровно в 15.00 вы увидите совершенно другого человека.

— Боюсь спросить, какого?

Лаврик сделал вдумчивое, серьезное лицо и несколько по-шекспировски произнес:

— Собранного, думающего, начитавшегося и осознавшего всю глубокую взаимосвязь слова, дела и великих завоеваний. И завтра я вас не подведу! Да что завтра, давайте начнем сейчас. Я обещал камеру настроить?

— Опомнися! У нас неделю назад телемост прошел. А камеру нам Андрей Вершинин давно настроил, — Юлия Юрьевна сдалась в который раз. — Иди, болтун, и завтра без опозданий!

— Так точно, мой генерал!

Юлия Юрьевна уходила, а Лаврику было о чем подумать. Кто он такой, что лезет во все его дела? Он направился туда, где видел, как Вершинин прощался с довольными малышами. Андрей все еще был там, а счастливые обладатели футбольного мяча собирались уходить.

— Ну, молчаливый наш, — Лаврик сказал это не зло, но достаточно иронично, — ты мой тайный поклонник или в друзья метишь? Куда ни приду, везде след Вершинина. Откуда такое желание мне помочь?

Андрей был, как всегда, спокоен и немногословен.

— Я тебе не помогал.

— А кому же?

— Им... — Андрей кивнул на уходящих ребят, гордо державших футбольный мяч. Наверное, Лаврик смотрел на уходящих ребят дольше, чем было нужно, потому что, когда он повернулся, Андрея уже не было.

Завтра всегда наступает очень быстро. Лаврик шел в школу, увлеченный предстоящим соревнованием для своего шоу, но его встретила непривычная тишина. Что-то гнетущее было в фигурах одноклассников. А самое неприятное было то, что они все избегали его взгляда. Ошибки быть не могло. По их глазам Лаврик понял: «Вопрос во мне». Он пытался лихорадочно понять, где мог проколоться. Тишину прервала Милана — активная девочка, а для Лавра — полная конъюнктурица.

— Можем тебя поздравить, ты теперь у нас прославился далеко за пределами города. Так что готовься, мы решили тебе устроить суд класса.

— Что?! Какой суд? У вас такого слова в лексиконе нет.

Лаврик кивнул на всегда послушную Тоню, которая сегодня сидела, опустив голову.

— Тоня, давай рассказывай, что случилось!

Тоня продолжала молчать, а Лавр видел, как из-под опущенной головы на пол падают капли.

«Странно, — думал Лаврик, — она это делает совершенно беззвучно».

Инициативу рассказывать опять перехватила Милана:

— После твоего дурацкого шоу Маша Ремезова попала под машину.

Что угодно ждал Лаврик, но только не этих слов. Слова выговаривались с трудом.

— А почему после моего?

Милана сделала противную, наигранную улыбку, изображая Лаврика:

— Машенька! Ты так прекрасна! Бла-бла-бла! Машины ударят по тормозам, лишь увидят тебя...

— Но это же просто слова!

— Это для тебя слова, а она вела видеоблог «Мои достижения», посвященный Лаврику! Потому что, как дура, тебя любила, и все твои идиотские штучки потом пыталась повторить.

Лаврику хотелось задать только один вопрос, но именно его было труднее всего выговорить.

— Она жива?

— Она в больнице, в тяжелом состоянии, а ты должен пойти в больницу и все рассказать ее родителям.

Вдруг прорвало Тоню. Она рыдала в голос. И эти рыдания в полнейшей тишине класса казались каким-то жутким воем. Лаврику стало плохо. Его стало тошнить, и ему нестерпимо захотелось выйти на улицу.

— Это все? Суд окончен? Я могу идти?

На этот раз встал верзила Артем Арефьев.

— Не окончен! Ты еще за все ответишь, погремушка!

— Я отвечу. И перед Машиными родителями, и перед Машей отвечу. А вы перед кем будете отвечать? Вам-то придется остаться самими с собой, и увидеть себя такими, какие вы есть. Кто вас просил приходить каждое утро, делать ставки и ржать над каждым моим словом? Что-то вас мораль не сильно беспокоила, когда вы на свои телефоны Машу снимали. Смеялись и обсуждали, обсуждали и смеялись... Вам все так нравилось, вас все так забавляло... Все и всегда происходило не с вашего ли одобрения и поощрения? А теперь вы судьи?!

Лавр смотрел на них и не видел. Все его слова казались произнесенными кем-то другим, а он будто переместился куда-то далеко в угол класса и смотрел на все оттуда. В это время к нему подошел Андрей.

— Хватит, пойдём.

С этим его «хватит» все прервалось, остановилось, встало на свои места. Лаврик закинул на плечо рюкзак и вышел из класса вслед за Андреем.

Около больницы Лавр остановился и поднял глаза на Андрея:

— Я боюсь.

— За себя?

— Кажется, нет. За нее. Зачем ты со мной здесь? Разве нужно помогать погремущкам?

— Когда кто-то стоит и перед обрывом пляшет, смотреть противно. А когда вниз срывается и падает, ты бы что, руку не протянул?

Андрей остановился.

— Возьми, — он протянул Лавру телефон, — ты должен это видеть.

Лавр нажал клавишу «play», и на экране появилась сияющая Маша. Она была необычайно красива: тоненькая, в каком-то невероятном длинном пальто с развивающимися рыжими волосами и огромными глазами цвета черного кофе.

— Привет, Лаврик! А это мое ежедневное шоу «Мои достижения». Когда-нибудь я отправлю тебе все мои достижения и победы. А сегодня мы проверим, будут ли мальчишки штабелями падать, а машины останавливаться. Ты, конечно, шутил, но я докажу тебе и себе, что все возможно...

Запись обрывалась. Был слышен визг тормозов, удар и крик какой-то проходящей мимо женщины. Они зашли в больницу. Андрей видел, как Лавр разговаривал с отцом Маши. Высокий пожилой мужчина выслушал его, потом что-то сказал, положив руку на плечо Лавру, и ушел в палату, где лежала его дочь. Через какое-то время в больницу прибежала мама Лавра. Они стояли в коридоре, и она долго ему что-то объясняла, размахивая перед его лицом телефоном, а потом резко повернулась, махнула рукой, что ничего не хочет слышать, и прошла мимо Андрея к выходу. Но она ничего бы и не услышала — Лавр молчал. Так же молча он вышел из больницы. И так же молча они шли по заснеженному городу, где со всех сторон возвышались величественные храмы. Мудрый город тоже молчал, словно давал первенство сказать им, подросткам наших дней, тем, кому здесь жить и кому здесь строить будущее. Вдруг Лавр поднял голову, словно его осенило:

— Который час?

— Почти четыре.

— Я срочно должен пойти во Дворец пионеров.

— Ты уверен, что сегодня тебе вообще куда-нибудь надо идти?

— Уверен.

Большой зал был заполнен детьми. Встреча с Валентиной Терешковой уже подходила к концу. Ведущий благодарил ее за возможность встретиться и поговорить с ребятами, и тут прозвучал вопрос:

— Валентина Владимировна, скажите, пожалуйста, а что делать человеку, который допустил ошибку, из-за которой пострадал другой человек, и сделать уже ничего нельзя? — Лавр стоял у входной двери, словно ждал ответа, чтобы идти его выполнять.

Она посмотрела в сторону Лавра, немного задумалась и сказала:

— Ошибки совершают все. Ошибки, из-за которых страдают другие люди, сложнее пережить, не отчаявшись, найти в себе силы все осознать, простить себя и никогда впредь не допускать ничего подобного.

Андрей нашел Лавра на пустой, заснеженной набережной реки Волги. Лавр сидел на заледеневшей лавочке и смотрел видео с Машей, держа телефон зачочневшими пальцами. Андрей сел рядом, спокойно вытащил телефон из рук Лавра, выключил его и засунул к себе в карман.

— Слушай, говорят, что с теми, кто в коме, надо разговаривать... Они слышат. Надо узнать, что она любила.

Лаврик словно вышел из оцепенения.

— Цветы? Все девчонки любят цветы.

Они еще долго сидели на этой скамье. Такие разные и такие одинаковые в своей боли.

Не отчаиваться и не сдаваться. Именно так Лаврик определил для себя план дальнейших действий. В магазине он выбрал красивую белую розу в глиняном горшке. Дарить срезанные цветы ему показалось неправильно, а живой и тем более белый цветок, как символ жизни, было правильным. Добрая тетя Катя, ночная сестра-хозяйка, никогда не отказывала этому грустному молодому человеку, который каждый вечер приносил белую розу в горшке. Скоро вся палата была заставлена розами. Лаврик старался не отчаиваться, а его жизнь круто изменилась: утреннее шоу было заменено утренними пробежками, из глубин шкафа была извлечена акустическая гитара, его старое увлечение. В классе он ни с кем не общался, не то чтобы обиделся, а просто

больше было не о чем говорить. Но с Андреем они регулярно встречались на набережной, и это помогало им поддерживать силы, чтобы бороться за Машину жизнь. Лаврик пересмотрел все сайты, прочитал обо всех подобных случаях, списывался с врачами и каждый вечер продолжал приносить белую розу. Как-то вечером он зашел в цветочный магазин, но его встретил сочувствующий взгляд продавца.

— Белых больше нет.

— А на складе?

— Нигде больше нет.

До этого момента Лавр не задумывался, как много для него значили эти чудесные белые розы. Они были его верой в жизнь, в исцеление. Они были его надеждой на прощение! А сейчас... Словно все оборвалось. Все кончилось за одно мгновение, вернулось это щемящее чувство в груди. Вернулось отчаяние.

— А вы возьмите красную. Вот, — продавец протягивал горшок с алой розой, маленькой, но такой яркой и красивой.

Тетя Катя увидела Лаврика с красной розой и заботливо сказала:

— Пойдем, я тебя к ней провожу.

Когда он зашел в палату и увидел на кровати Машу, такую маленькую, хрупкую и бледную, он подумал, что нет у него человека ближе нее. И Лаврик... заплакал. Заплакал, как плачет ребенок, оставшийся один.

— Пожалуйста, живи! Такие, как ты, не должны умирать из-за таких дураков, как я. Я обещаю тебе отвечать за каждое свое слово. Прости меня, прости меня, пожалуйста.

Тетя Катя, видя, что парень совсем расклеился, тихонечко вывела его из палаты.

— Не убивайся так. Я думаю, что она простила.

Лавр шел по набережной, когда Маша открыла глаза. Первое, что она увидела — это красная роза.